

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

«НИЗКИЙ ДОМ» И «ДОМ С МЕЗОНИНОМ» – ДВЕ МОДЕЛИ «РУССКОГО МИРА» В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

© 2020 г. М.В. Скороходов

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 06 сентября 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-194-211

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 18-18-00129) в ИМЛИ РАН*

Аннотация: В статье на примере творчества С.А. Есенина рассматриваются две ключевые модели «русского мира»: помещичья и крестьянская усадьбы, в которых развивалась своеобразная культура. Важнейшим источником сведений об усадебной жизни явилась для Есенина отечественная словесность, произведения которой будущий поэт изучал и как учащийся, и самостоятельно. Для Есенина, опиравшегося на традиции русской классической литературы и знакомого с произведениями современных ему авторов, важна прежде всего эстетическая значимость садово-парковых комплексов, ассоциативные связи, которые возникают между природными объектами и человеком. Часто за окном дома лирического героя присутствуют деревья, характерные как для крестьянских подворий, так и для помещицких усадебно-парковых комплексов. Наиболее ярким произведением Есенина, в котором во всей полноте и многообразии новаторски воплотились усадебные традиции русской классики, является поэма «Анна Снегина». В статье на примере этого произведения рассматриваются процессы трансформации и гибели в ходе войн и революций двух отмеченных моделей «русского мира».

Ключевые слова: С.А. Есенин, русская усадьба, русская поэзия XX в., традиции, русский мир, крестьянская усадьба.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: msk2002@rambler.ru

Для цитирования: Скороходов М.В. «Низкий дом» и «Дом с мезонином» – две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 194–211. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-194-211

Автор искренне признателен Государственному музею-заповеднику С.А. Есенина и лично директору Б.И. Иогансону за предоставление материалов из фондового собрания для публикации. Атрибуция и датировка – Н.Н. Бабицына

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

THE “LOW HOUSE” AND THE “HOUSE WITH A MEZZANINE” – TWO MODELS OF THE “RUSSIAN WORLD” IN SERGEY ESEIN’S WORK

© 2020. M.V. Skorokhodov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: September 06, 2019

Date of publication: March 25, 2020

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with support from the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00129).

Abstract: Using the example of Sergey Esenin’s work, the article explores two key models of the “Russian world”: the landowner and peasant estates, in which a peculiar culture developed. For Esenin, the most important source of information about life in the estate was Russian literature. The future poet studied the works of Russian writers both at school and independently. Esenin was guided by the traditions of Russian classical literature and the works of contemporary authors. For the poet, the aesthetic significance of gardens and parks, associative relations between trees and people were important. There are often trees outside the window of the house of a protagonist, a scenery to be found in of both landowner and peasant estates. The *Anna Snegina* poem is the most striking work of Esenin where the estate-writing traditions of Russian classics were innovatively embodied in all their fullness and diversity. The article examines the processes of transformation and death of the two models of the “Russian world” in the course of wars and revolutions on the example of this poem.

Keywords: Sergey Esenin, Russian estate, Russian poetry of the 20th century, traditions, Russian world, peasant estate.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: msk2002@rambler.ru

For citation: Skorokhodov M.V. The “Low House” and the “House with a Mezzanine” – Two Models of the “Russian World” in Sergey Esenin’s Work. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 194–211. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-194-211

The author is sincerely grateful to the state Museum-reserve of Sergey Esenin and personally to the director Boris Ioganson for providing materials from the stock collection for publication. Attribution and date – Natalia Babitsyna

Выявление глубинных смыслов «Анны Снегиной» (1925) и других произведений С.А. Есенина в контексте «русского мира» — одной из центральных мифологем отечественной культуры — должно базироваться на анализе биографического и литературного материала, свидетельствующего о вовлеченности автора в литературный процесс эпохи. Внимание к крестьянскому и помещичьему быту, к традиционным усадебным сюжетам роднит поэтическое пространство Есенина с наследием его предшественников и современников, свидетельствует о важности для него творческого инструментария, характерного для русского модернизма. Свойственное эпохе переосмысление линейной модели исторического времени, характерный для нее семантический сдвиг в трансформации традиционной пространственно-временной модели затрагивает и есенинское творчество, в том числе поиски, связанные с «усадебным топосом».

На протяжении нескольких столетий помещичья усадьба как особая модель «русского мира» была неразрывно связана с обычно расположенными в непосредственной близости от нее крестьянскими усадьбами, а жизнь владельцев имений впитывала обычаи и традиции русского крестьянства. Важную роль в жизни России играла церковь, которая становилась местом встречи помещиков и крестьян во время службы. Единство двух моделей «русского мира» отмечают представители гуманитарной географии. Так, Ю.А. Веденин следующим образом охарактеризовал состав усадебного комплекса: «господский дом с флигелями (порою образывавшие ансамбль дворцового типа), сад или парк, хозяйственные службы, связанное с усадьбой сельское поселение с церковью, а также принадлежащие владельцу усадьбы поля и лесные угодья» [2, с. 17]. Как видим, по

Веденину, усадебный комплекс вбирает в себя не только собственно территорию помещичьей усадьбы, но и окрестные общественные пространства, крестьянские дома и наделы, другие объекты. Понимаемый таким образом усадебный комплекс — это культурный ландшафт, часто простирающийся на несколько квадратных километров. Для культурного, в частности литературного, ландшафта (пространства, нашедшего отражение в художественной литературе и мемуаристике) важна такая протяженность, поскольку она обеспечивает целостность восприятия действительности людьми, проживающими на территории усадебного комплекса.

Интересно проследить, как переплетаются две модели «русского мира» в творчестве С.А. Есенина — поэта, который называл себя «последним поэтом деревни», но при этом для него, в отличие от предшественников по крестьянскому сословию, таких как С.Д. Дрожжин и И.З. Суриков, быт и заботы сельских тружеников не стали ведущей творческой темой. Есенин смог отойти от сословного восприятия «русского мира», постичь его целостность и неделимость.

Важнейшим источником сведений об усадебной жизни явилась для Есенина русская словесность, произведения которой будущий поэт изучал в родном селе как учащийся Константиновского земского училища и позже, отправившись для продолжения учебы в Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу, а затем став слушателем Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. Обращает на себя внимание документально зафиксированный интерес Есенина к творчеству писателей XIX в., для которых была актуальна усадебная тема. Так, в письме Есенина другу юности Григорию Панфилову (1912) есть фраза: «...я все-таки встречал тургеневских типов». И далее, рассказывая о знакомстве с Марией Бальзамовой, Есенин поясняет: «Эта девушка тургеневская Лиза (“Двор<янского> гн<ездо>”) по своей душе» [6, т. 6, с. 13]. Эти слова одного из наиболее ранних среди сохранившихся писем Есенина не только позволяют рассматривать его как внимательного читателя И.С. Тургенева, сравнивающего людей, с которыми знакомился и общался, с образами, созданными классиком XIX в., но и свидетельствуют о том, что о Тургеневе, о созданных им типах Есенин говорил с друзьями и раньше. Еще один «усадебный» писатель, о котором сообщает Есенин, — Л.Н. Толстой. Его фамилия возникает в письме к «тургеневской девушке» Марии Бальзамовой (1913) — в

сообщении о некоем И. Павлове, который характеризуется как «последователь и ярый поклонник Толстого, тоже вегетарианец» [6, т. 6, с. 31]. Отметим, что С.И. Субботин, комментировавший в «Полном собрании сочинений» Есенина ранние письма поэта, проследил влияние идей Толстого и составленного им «Круга чтения» на эпистолярное наследие поэта [8, с. 260–291]. Важны для Есенина «усадебные» произведения Н.В. Гоголя, которого он называет любимым писателем [6, т. 7, кн. 1, с. 10]. Безусловно, актуальны при рассмотрении есенинского наследия и образцы «усадебной» лирики — произведения Н.П. Огарева, А.Н. Апухтина, А.А. Фета, А.Н. Плещеева и др. Нельзя не отметить и более близкую по времени традицию, прежде всего А.А. Блока, в том числе при описании сада и парка: «...таинственный клен, / Неизменно склоненный к тебе» («Я и молод, и свеж, и влюблен...», 1902) [1, с. 114]. Ср. у Есенина: «...тот старый клен / Головой на меня похож» («Я покинул родимый дом...», 1918) [6, т. 1, с. 143]. «Уподобление человека дереву, а дерева человеку становится обычным для творчества Есенина, о чем свидетельствует обилие поэтических образов, связанных с деревом», — справедливо отметил В.А. Доманский ([5, с. 194]; см. также: [10]).

Вторым весьма существенным источником сведений о русской усадьбе явились для Есенина личные впечатления. Есенин видел помещицы усадьбы во время близких и дальних поездок по России в дореволюционное время. Была усадьба и в селе Константинове, во времена детства Есенина она принадлежала московскому купцу И.П. Кулакову, а в период его юности — дочери Кулакова Л.И. Кашиной, ставшей одним из прототипов главной героини поэмы «Анна Снегина» (1925).

Более детально был знаком Есенину быт крестьянской усадьбы, структура этого комплекса — дом, рига, амбар, другие хозяйственные постройки. Усадьба родителей Есенина была небольшой, на ней росло всего несколько деревьев. Крестьяне, обладавшие более обширными по площади участками, имели хотя бы маленькие сады. Прекрасно знал Есенин усадьбу константиновского священника, расположенную напротив его родного дома. Существует предположение, что именно находившееся на этой усадьбе строение описано поэтом как «Низкий дом с голубыми ставнями...» в одноименном стихотворении (1924).

Интересно проследить, как совмещаются в есенинском творчестве характерные особенности двух взаимосвязанных, но различных по составу

Село Константиново. Усадьба И.П. Кулакова / Л.И. Кашиной. Хозяйственный двор.
Конюх Иван Миронов и лошадь Радость. 1910–1917 гг.
Konstantinovo Village. Manor of Ivan Kulakov / Lydia Kashina. Economic yard, the stableman
Ivan Mironov, and the horse Joy. 1910–1917

Село Константиново. Л.И. Кашина и Б.И. Кулаков. 1910–1912 гг.
Konstantinovo Village. Lydia Kashina and Boris Kulakov. 1910–1912

и функциям усадеб, составляющих основу «русского мира», — помещицкой и крестьянской.

В отличие от небольшого крестьянского надела, который использовался прежде всего для постройки жилища и обеспечения семьи продовольствием, помещицья усадьба предполагала организацию культурного

Село Константиново. Усадьба И.П. Кулакова / Л.И. Кашиной. 1910–1917 гг.
Village of Konstantinovo. Manor of Ivan Kulakov / Lydia Kashina. 1910–1917

досуга (подробнее см.: [4]). Это касается и тех случаев, когда дворянская земля была приобретена купцами и фактически использовалась ими как дача — именно такой вариант характерен для кашинской усадьбы в селе Константинове.

Обращает на себя внимание контаминация — наложение и смешение в есенинских текстах черт, характерных для крестьянского надела с домом, с одной стороны, и помещицкой усадьбы, с другой. Обычно лирический герой Есенина рассматривается как вышедший из крестьянского сословия поэт, что обусловлено не только его происхождением и биографией, но и самопрезентацией лирического героя. Как, например, в стихотворениях «Я последний поэт деревни...», 1920 [6, т. 1, с. 136], «Мелколесье. Степь и

дали...»: «У меня отец крестьянин, / Ну а я крестьянский сын», 1925 [6, т. 1, с. 291].

Эту особенность биографии своей и отца Есенин корректирует в поэзии, расширяя пространство за окном крестьянской избы до обширного сада и парка, свойственного помещичьей усадьбе. Появление в есе-

Село Константиново. Усадьба И.П. Кулакова / Л.И. Кашиной. 1910–1917 гг.
Village of Konstantinovo. Manor of Ivan Kulakov / Lydia Kashina. 1910–1917

нинских поэтических текстах деревьев, причем не плодовых, которые еще могли расти на крестьянских усадьбах, но и березы, липы, клена, тополя, ели можно рассматривать как следование литературной традиции, которая создавалась писателями дворянского происхождения и была востребована Есениным. Для помещичьей усадьбы необходимы аллеи из изначально дикорастущих, но посаженных в нужном порядке и ухоженных деревьев и кустарников. Как мы знаем теперь благодаря недавно поступившим в фонды Государственного музея-заповедника С.А. Есенина фотоснимкам начала XX в., это в полной мере относится и к кашинской усадьбе, быт и ландшафты которой многократно и в различных вариациях отразились в есенинском творчестве. Характерный пример — строки стихотворения «Дорогая, сядем

рядом...», написанного в Москве 9 октября 1923 г. Память о родине, на которой автор не был несколько лет, связана с окружающими родной дом природными объектами: «Я хотел, чтоб сердце глуше / Вспоминало сад и лето <...>. Там теперь такая ж осень... / Клен и липы, в окна комнат» [6, т. 1, с. 193, 194]. В стихотворениях 1925 г., связанных с воспоминаниями о родном селе, пространство сада становится разнообразным — в него входит «наша рябина» («Я красивых таких не видел...») [6, т. 1, с. 242]; сестра Шура, которой посвящено произведение, показалась «березкой, / Что стоит под родимым окном» («Ты запой мне ту песню, что прежде...») [6, т. 1, с. 246]; осенью «...осыпаются липы, / Белые липы в нашем саду» («Снежная замаять дробится и колется...») [6, т. 1, с. 280]. В основе стихотворения «Отговорила роща золотая...» (1924) со строками «В саду горит костер рябины красной, / Но никого не может он согреть» [6, т. 1, с. 209], согласно воспоминаниям сестры поэта [7, с. 98], — вид из окна избы-временки, в которой уютилась семья Есениных после пожара. Образы этих деревьев, большинство которых не характерно для крестьянских наделов, позволяют автору раздвинуть тесные границы родной усадьбы.

Через семь месяцев после создания процитированного стихотворения Есенин наконец приезжает в свое село. Свидетельством этой долгожданной встречи становится маленькая поэма «Возвращение на родину» (1924). Лирический герой признает бедность своей семьи: «Как много изменилось там, / В их бедном неприглядном быте» [6, т. 2, с. 89]. Одной из примет, свидетельствующих о растущей нищете, становится изменение облика крестьянской усадьбы: «Отцовский дом / Не мог я распознать; / Приметный клен уж под окном не машет, / И на крылечке не сидит уж мать, / Кормя цыплят крупитчатой кашей» [6, т. 2, с. 89]. Значимость для есенинского сада клена можно объяснить литературной традицией. В начале «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя представлена картина сада — конечно, не крестьянского, а помещичьего. Причем автор подчеркивает, что такая картина типична: «Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими <...> душистая черемуха, целые ряды низеньких фруктовых деревьев, потопленных багрянцем вишень и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развесистый клен, в тени которого разостлан для отдыха ковер...» [3, с. 13–14]. В процитированном отрывке упоминаются

не только клен и садовая вишня, но и часто растущая ближе всего к дому, к окнам, источающая душистый аромат черемуха. Хотя черемуха встречается у Есенина как дикорастущее дерево в стихотворениях «Сыплет черемуха снегом...» (1910), «Черемуха» (1915) и в повести «Яр» (1915), она обретает и черты усадебного растения — например, в стихотворении «Край ты мой

Село Константиново. Усадьба Л.И. Кашиной. Слева направо: Е.И. Муретова, Г.А. Кожевников, Л.И. Кашина, Нина Кашина, неизвестный. 1916–1917 гг.
Village of Konstantinovo. Lydia Kashina's manor. From left to right: Catherine Muratova, Grigory Kozhevnikov, Lidia Kashina, Nina Kashina, unknown. 1916–1917

заброшенный...» (1914): «В окна бьют без промаха / Вороны крылом, / Как метель, черемуха / Машет рукавом» [6, т. 1, с. 60]. В поздних произведениях с образом черемухи неразрывно связан мотив любви в усадебных ландшафтах. Яркое подтверждение этому — стихотворения «Вечер черные брови напил...» (1923): «Слушать песни дождей и черемух» [6, т. 1, с. 199]; «Ну целуй меня, целуй...» (1925): «До кончины губы милой / Я хотел бы целовать. // Чтоб все время в синих дремах, / Не стыдись и не тая, / В нежном шелесте черемух / Раздавалось: “Я твоя”» [6, т. 1, с. 222]; «Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки...», 1925): «Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха — / Все равно любимая отцветет черемухой» [6,

т. 1, с. 218]. Часто невозможно точно определить, где именно произрастает и кого радует своими ароматами черемуха: «Как будто кто / Черемуху качает / И осыпает / Снегом у окна» — в маленькой поэме «Ответ» (1924) [6, т. 2, с. 130]; «Спит черемуха в белой накидке» [6, т. 1, с. 211] — в стихотворении «Синий май. Заревая теплынь...» (1925).

В маленькой поэме «Письмо к сестре» (1925) Есенин подчеркивает неразрывную связь своего творчества с дворянской литературой XIX в., прежде всего с наследием наиболее любимых им Пушкина (он «близкий, / Как цветущий сад!») и Лермонтова: «И Лермонтов / Был Саше по плечу» [6, т. 2, с. 158]. Гибель в период молодости лирического героя усадебного сада [6, т. 2, с. 157]) вызывает воспоминания о вишнях, черемухе, сирени, березках. «Письмо к сестре» — одно из самых «усадебных» произведений Есенина. Здесь сад не только является приметой усадебной жизни (при его описании наблюдается совмещение двух миров — помещичьего и крестьянского), но и непреходящей ценностью, по сути одной из основ разных моделей «русского мира». От наличия сада зависит ответ на столь важный для лирического героя вопрос: «Крестьянин я иль не крестьянин?!» [6, т. 2, с. 156].

Наиболее ярким «усадебным» произведением Есенина является поэма «Анна Снегина». Н.И. Шубникова-Гусева убедительно показала, создавая поэму, «Есенин ориентировался на традиции русской классики, и прежде всего, роман в стихах “Евгений Онегин” Пушкина, роман-поэму Гоголя “Мертвые души” и произведения Некрасова» [9, с. 391]. Анализ «Анны Снегиной» позволяет раскрыть взаимодействие в есенинском творчестве двух моделей «русского мира», их эволюцию и гибель. Здесь предстает полифоничность сельского мира, для которого важна как жизнь крестьян во всем многообразии ее проявлений (заботы об урожае, борьба с засухой и пожарами, с поборами власть предержащих, с завистливыми алчными соседями), так и развитие традиционного пространства помещичьей усадьбы. Революционные потрясения приводят к слому традиционной жизни всех сословий, что нашло отражение в есенинском произведении.

Для лирического героя родные края — это и помещичья усадьба, и «радовские поместья», характеристику которым дает возница-рассказчик: «Дворов, почитай, два ста. <...> / Богаты мы лесом и водью, / Есть пастбища, есть поля. / И по всему угодию / Рассажены тополя» [6, т. 3, с. 158]. Неотделимая от множества повседневных забот жизнь радовцев удовлетво-

ряет его: «Дворы у нас крыты железом, / У каждого сад и гумно. / У каждого крашены ставни, / По праздникам мясо и квас» [6, т. 3, с. 158]. Но есть и бедные деревни, такие как Криуша: «Житье у них было плохое — / Почти вся деревня вскачь / Пахала одной сохой / На паре заезженных кляч. // Каких уж тут ждать обилий, / Была бы душа жива» [6, т. 3, с. 159]. Главное для крестьянина — забота о хлебе насущном, об урожае, который позволит прокормить семью и оставить семена для нового посева. Об этом же — в «Письме к сестре»: «И сколько было у отца хлопот, / Чтоб наша тощая / И рыжая кобыла / Выдергивала плугом корнеплод» [6, т. 2, с. 156]. Нужда заставляет думать только об удовлетворении простейших жизненных потребностей, забота о пище, об обустройстве быта поглощает все время и все силы. Такая ограниченность мышления, связанная с особенностями трудовой крестьянской жизни (для творчества Есенина характерно обращение к мифологической модели вечного возвращения, сакрального цикла, корреспондирующего с годовым природным циклом, с которым связаны основные работы сельских жителей), — признак «Руси уходящей», дорогой лирическому герою, но уже безвозвратно утрачиваемой в результате послереволюционных преобразований. Литературный топоним «Русь уходящая» наполняется множеством смыслов, обретает черты символа, сакрализуемого пространства. Ее населяют «брадачи», «Чья жизнь в сплошном / Картофеле и хлебе» («Русь уходящая», 1924) [6, т. 2, с. 105]. Крестьянская жизнь полна неожиданностей, непредсказуема. Об этом — и в «Анне Снегиной»: «Скатилась со счастья возжа. / Почти что три года кряду / У нас то падеж, то пожар» [6, т. 3, с. 160].

Вариация в «Анне Снегиной» мотива возвращения на родину после долгой разлуки демонстрирует совмещение разных планов. С одной стороны, бедная крестьянская усадьба, характерной приметой которой становятся сеновал и «состарившийся плетень» (первый подчеркивает стабильность, а второй — хрупкость сельского мира). Отметим, что в финале поэмы плетень «сгорбившийся», т. е. продолжается его старение, путь к окончательной, безвозвратной гибели. С другой стороны, осязаемые приметы помещичьего мира, для которого характерна положительная динамика: «Иду я разросшимся садом, / Лицо задевает сирень» [6, т. 3, с. 164]. В начале второй главы поэмы раскрываются приметы сада: «Дымком отдаёт росяница / На яблонях белых в саду» [6, т. 3, с. 164]. Весна, период цветения —

любимое время посещения сада, в этот период ощущается пробуждение всех сил природы. О такой встрече лирического героя с ярким, цветущим садом (также характерным для помещичьей усадьбы, а не для крестьянского надела) — и в «Письме матери» (1924): «Я вернусь, когда раскинет ветви / По-весеннему наш белый сад» [6, т. 1, с. 180]. Антонимичен цветущему саду запущенный сад. Лирический герой стихотворения «Заметался пожар голубой...» (1923) и себя сравнивает с «запущенным садом» [6, т. 1, с. 187], подчеркивая прежде всего отсутствие ухода, внимания, заброшенность. Со временем запущенный сад превращается в кладбище — как в стихотворении «Мне грустно на тебя смотреть...» (1923): «Как кладбище, усеян сад / В берез изглоданные кости» [6, т. 1, с. 196].

Сад является для лирического героя Есенина одним из значимых символов благополучия двух рассматриваемых моделей «русского мира», показателем того состояния достатка, когда нет необходимости уничтожать сад ради пропитания. Яркий подтверждающий это положение пример — трагическая коллизия в «Письме к сестре»: «Отцу картофель нужен. / Нам был нужен сад. / И сад губили, / Да, губили, душка!» [6, т. 2, с. 156]. Такое внимание к саду объясняется не только чисто усадебными контекстами, но и значимостью для автора библейской символики, образа Эдемского сада, что наглядно демонстрирует созданная в родном селе «Иорданская голубица» (1918): «То душ преображенных / Несчислимая рать, / С озер поднявшись сонных, / Летит в небесный сад» [6, т. 2, с. 57]. Ср. со стихотворением того же года «Не стану никакойю...», героиня которого «шептала»: «<...> Мы встретимся у сада / В небесной стороне» [6, т. 4, с. 179]. Усадебный сад — своеобразное отражение Эдемского сада, в этом его непреходящая ценность, именно поэтому его гибель столь трагична. В «Анне Снегиной» семантика сада подчеркивает полноту жизни, которая невозможна без состояния влюбленности. Пространство усадебного мира ограничено, эдемские смыслы не распространяются за его пределы. Отметим, что зеркальным (за-зеркальным) отражением райского сада становится сад в поэме «Черный человек» (1923–1925) — деревья уподобляются зловещим всадникам Апокалипсиса: «И деревья, как всадники, / Съехались в нашем саду. // <...> Деревянные всадники / Сеют копытливый стук» [6, т. 3, с. 191].

Сад соединен с внешним миром калиткой, которая становится в «Анне Снегиной» преградой на пути лирического героя к счастью: «Когда-то у той

вон калитки / Мне было шестнадцать лет, / И девушка в белой накидке / Сказала мне ласково: “Нет!”» [6, т. 3, с. 164, 187]. Особую значимость этих строк для композиции поэмы подчеркивает их дословное повторение как в первой, так и в заключительной, пятой, главках поэмы. Для русской литературной традиции калитка сада, парка — одно из традиционных мест встречи и расставания возлюбленных.

Для Есенина характерно не только обращение к пространству, находящемуся за границами сада, за садом, но и раскрытие семантики калитки — границы этого пространства. Например, в стихотворении «Закружилась листва золотая...» (1918): «За калиткою смолкшего сада / Прозвенит и замрет бубенец» [6, т. 1, с. 147]. При этом внутреннее пространство сада не только в ранних произведениях, но и в имажинистский период творчества оказывается сакрально важным, закрытым, требующим защиты от внешних сил. Пример этому — стихотворение «Хулиган» (1919): «Бродит черная жуть по холмам, / Злобу вора струит в наш сад» [6, т. 1, с. 154]. И все же калитка должна выполнять свои связующие внутреннее и внешнее пространства функции. Отсутствие этой связи, когда «Не прозвякнет кольцо у калитки...» («Синий май. Заревая теплынь...» (1925) [6, т. 1, с. 211], сопряжено с мотивом сна. И в одном из последних есенинских произведений — стихотворении «Ты запой мне ту песню, что прежде...», датированном 13 сентября 1925 г., — подчеркивается значимость выполняемой калиткой функции связи пространств: «...вовек я любил не один / И калитку осеннего сада, / И опавшие листья с рябин» [6, т. 1, с. 245]. В одном из стихотворений цикла «Персидские мотивы» — «Улеглась моя былая рана...» — постулируется как непреложная истина: «Все равно калитка есть в саду...» [6, т. 1, с. 249], т. е. всегда остается возможность изменения ситуации. Наличие калитки свидетельствует о динамичности, подвижности мира, о жизни, сулит надежду на любовь.

Образ «усадебной» девушки в белом, причем находящейся за границами сада, прослеживается в ряде произведений поэта, например: «Где-то за садом несмело, / Там, где калина цветет, / Нежная девушка в белом / Нежную песню поет» («Вот оно, глупое счастье...», 1918) [6, т. 1, с. 131]; «...припомнил я девушку в белом, / Для которой был пес почтальон. <...> Но о чем-то подолгу мечтала / У калины за желтым прудом» («Сукин сын», 1924) [6, т. 1, с. 207]. Приведенные примеры свидетельствуют о значимо-

сти для поэта рассматриваемого «усадебного» женского образа. Девушка в белом является главным персонажем помещицкой модели «русского мира».

В центральной по композиции, третьей, главе «Анны Снегиной» об ушедшей в небытие жизни напоминает лишь «белое платье», отсылающее к образу недоступной «девушки в белой накидке», и память о встречах — «Когда-то я очень любила / Сидеть у калитки вдвоем. / Мы вместе мечтали о славе...» [6, т. 3, с. 171]. Возникающий в третьей главе образ калитки, связанный с мотивом неразделенной, точнее — не обретшей завершения, любви, подчеркивает скрепленность композиции поэмы любовным сюжетом. Причем этот сюжет развивается на границе усадебного пространства — у калитки. Эту границу можно рассматривать и как границу между пространствами двух моделей «русского мира», — помещицкого и крестьянского. Для Есенина роль калитки-границы значительно важнее, чем для его предшественников и современников — представителей дворянства. Это не только граница русской помещицкой усадьбы, но и сословная граница, хотя и не табуирующая вовсе, но ограничивающая доступность для представителей крестьянства внутриусадебной территории. Лишь в новое, пореволюционное время героиня поэмы — владелица поместья, уже теряющая свой прежний социальный статус, навещает поэта в его родовом крестьянском доме.

Революция — это всегда кардинальные преобразования, слом традиционного уклада, потрясения, часто приводящие к роковым последствиям. Революции в России вызывают утрату традиционной структуры «русского мира». Один из этапов революционных преобразований — «безвластье», вызвавшее «Сплошные мужицкие войны» [6, т. 3, с. 165]. Монолог старухи завершается в «Анне Снегиной» горестным выводом: «Пропала Раса, пропала... / Погибла кормилица Русь!» [6, т. 3, с. 166]. Подтверждением трагического развития событий становится растущая бедность криушан: «Не слышно собачьего лая, / Здесь нечего, видно, стеречь / У каждого хата гнилая, / А в хате ухваты да печь» [6, т. 3, с. 168–169]. Главный вопрос крестьян — о земле: «Скажи: / Отойдут ли крестьянам / Без выкупа пашни господ?» [6, т. 3, с. 169]. Наиболее простой вариант ответа на этот вопрос, который видит убийца и пьяница Оглоблин Прон, руководящий теперь криушанами, — безвозмездное получение имущества и земли Анны Снегиной. Путь из Криуш до усадьбы оказывается долгим и трудным из-за

курьезного обстоятельства, подчеркивающего, что крестьянская модель «русского мира» гибнет: «И вот запрягли нам клячу. / В оглоблях мосластая шкетъ — / Таких отдадут с придачей, / Чтоб только самим не иметь. / Мы ехали мелким шагом, / И путь нас смешил и злил: / В подъемах по всем оврагам / Телегу мы сами везли» [6, т. 3, с. 175]. Есенин кратко и емко описывает усадебную территорию и «дом с мезонином». Лишь трагедия — гибель на войне мужа Анны — на время откладывает передачу ее имения волости. Судьбоносное событие, означающее гибель одной из традиционных моделей «русского мира» — помещичьей усадьбы, — не спасает и вторую модель — крестьянский мир. Итогом становится «хуторской разор». И далее во временной перспективе — «Шли годы / Размашисто, пылко. / Удел хлебороба гас» [6, т. 3, с. 183].

Трансформация «русского мира» в водовороте войн и революций сметает все его традиционные модели, остается сельское пространство, в котором еще просматриваются приметы «Руси уходящей»: «Луна золотую порошею / Осыпала даль деревень. / Мелькают часовни, колодцы, / Околицы и плетни» [6, т. 3, с. 185]. Лишь в памяти участников былых событий сохраняются ключевые фрагменты утраченных моделей, например, в письме из Лондона Анны: «Так часто мне снится ограда, / Калитка и ваши слова. <...> синею заволокой / Покрыта береза и ель» [6, т. 3, с. 186]. Ограда и калитка не спасли усадебный мир от гибели, а его владельцев — от эмиграции.

Две модели «русского мира» — помещичья и крестьянская — на протяжении нескольких столетий развивались параллельно и были неотделимы друг от друга. Есенин, творчество которого пришлось на период ломки традиционного уклада, показал как сходство, взаимное переплетение, так и различия этих моделей, трагические процессы их утраты.

Список литературы

- 1 *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 1. 631 с.
- 2 *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 226 с.
- 3 *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 2. 764 с.
- 4 *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. [2-е изд.]. М.: О.Г.И, 2008. 524 с.
- 5 *Доманский В.А.* Дендронимы в творчестве С. Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2007. С. 189–200.
- 6 *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1995–2002.
- 7 *Есенина А.А.* Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 55–125.
- 8 *Субботин С.И.* [Комментарии] // *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1999. Т. 6. С. 260–291.
- 9 *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэмы Есенина от «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 371–479, 635–644.
- 10 *Щербаков С.А.* Мотивы сада в творчестве С. Есенина и С. Клычкова // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2007. С. 252–287.

References

- 1 Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1997. Vol. 1. 631 p. (In Russ.)
- 2 Vedenin Iu.A. *Ocherki po geografii iskusstva* [Essays on the Geography of Art]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997. 226 p. (In Russ.)
- 3 Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.] Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1937. Vol. 2. 764 p. (In Russ.)
- 4 Dmitrieva E.E., Kuptsova O.N. *Zhizn' usadbnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai* [The life of the Estate Myth: Paradise Lost and Gained]. 2nd ed. Moscow, O.G.I Publ., 2008. 524 p. (In Russ.)
- 5 Domanskii V.A. Dendronimy v tvorchestve S. Esenina [Dendronyms in the Works of S. Esenin]. *Eseninskaia entsiklopediia: Kontseptsiiia. Problemy. Perspektivy* [The Esenin Encyclopedia: Concept. Problems. Prospects]. Moscow, Konstantinovo, Riazan', Pressa Publ., 2007, pp. 189–200. (In Russ.)
- 6 Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [Complete Works: in 7 vols. (9 books)]. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1995–2002. (In Russ.)
- 7 Esenina A.A. Rodnoe i blizkoe [Native and Close]. *S.A. Esenin v vospominaniiaakh sovremennikov: v 2 t.* [S.A. Esenin in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986, vol. 1, pp. 55–125. (In Russ.)
- 8 Subbotin S.I. Kommentarii [Comments]. Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [Complete Works: in 7 vols. (9 books)]. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1999, vol. 6, pp. 260–291. (In Russ.)
- 9 Shubnikova-Guseva N.I. *Poemy Esenina ot "Proroka" do "Chernogo cheloveka": Tvorcheskaia istoriia, sud'ba, kontekst i interpretatsiia* [Esenin's Poems from the "Prophet" to the "Black Man": Creative History, Fate, Context and Interpretation]. Moscow, IWL RAS, Nasledie Publ., 2001, pp. 371–479, 635–644. (In Russ.)
- 10 Shcherbakov S.A. Motivy sada v tvorchestve S. Esenina i S. Klychkova [The Motifs of the Garden in the Works of S. Esenin and S. Klychkov]. *Eseninskaia entsiklopediia: Kontseptsiiia. Problemy. Perspektivy* [The Esenin Encyclopedia: Concept. Problems. Prospects]. Moscow, Konstantinovo, Riazan', Pressa Publ., 2007, pp. 252–287. (In Russ.)